

Надежды и любви отрадною мечтой.

Все скрылось; но она была еще вниманье...
 Неистой любви безумное страданье
 Приходить ей на мысль,—на арфѣ золотой
 Поетъ она судьбу Изоры несчастливой.
 И ей-ли не понять тоски краснорѣчивой,
 Когда она поетъ удѣлъ свой роковой?

Потомъ, напечатлѣвъ, съ улыбкою прощальной,
 Лобзанье на челѣ наперсницы печальной,
 «Прости!» сказала ей, съ слезою на очахъ,
 И послѣ, предана неизъяснимой мукѣ,
 Воздѣла къ небесамъ младенческія руки
 И пала предъ лицомъ Всевышняго во прахъ...

И, полная надеждъ и тайныхъ ожиданій,
 Отрады и тоски, молитвы и страданій,
 На ложе мрачныхъ думъ и дѣвственной мечты
 Идетъ она, склонивъ задумчивые взоры,—
 И долго, долго тѣнь унылая Изоры
 Вилася надъ главой уснувшей красоты.

И какъ спала она въ безпечности небрежной!
 Какъ ласково у ней по груди бѣлоснѣжной
 Разсыпалась волна гебеновыхъ кудрей,
 Какъ пышно и легко покровы золотые
 Лелѣяли и станъ, и формы молодыя —
 Созданія любви и пламенныхъ страстей!..

Порой мятежный сонъ тревожилъ Дездемону;
 Она была въ огнѣ, и вздохъ, подобный стону,
 Невольно вылеталъ изъ трепетной груди,
 И яркая слеза, какъ юная зарница
 Въ туманныхъ небесахъ, скатившись по рѣсницѣ,
 Скользила и вилась вокругъ ея руки.

Прорѣзавъ облаковъ полночныхъ покрывало,
 Казалось, луна съ участіемъ взирала
 На блѣдныя черты прекраснаго лица,
 Какъ бы на памятникъ безвременной могилы
 Или на горлицу, уснувшую уныло
 Подъ сѣтью роковой жестокаго ловца...

О, какъ она была божественно прекрасна,
 Руками бѣлыми обвивши сладострастно
 Лилейное чело, какъ греческій амфору!
 Какъ трогательно все въ ней душу выражало,
 Какъ все вокругъ нея невинностью дышало —
 Кто могъ бы произнести ей грозный приговоръ?..